

РАССКАЗЫ

ИНТЕРЕСНАЯ ДАМОЧКА

1

Уже трудно представить себе, каким обычным и то же время «высокосветским», что ли, видом отдыха буквально несколько десятков лет назад были летние круизы по Волге на теплоходах от Москвы до Астрахани и назад. Билеты и путевки на эти туры закупались загодя, еще зимой. И компании на эти двухнедельные путешествия подбивались заранее, с прицелом на совместный отдых.

Долго не уходили на вечный покой в речные затоны легендарные колесники «Спартак» и «Володарский», которые давным-давно, еще в царское время, носили имена расстрелянных впоследствии великих княжон. Продолжали они радовать приверженцев старины и поражать своих обитателей роскошью: панелями из красного дерева, бронзовыми ручками и перилами, венецианскими зеркалами, ковровыми дорожками, хрусталем, фарфором и «варшавским серебром» в ресторанах. (Помните «Ласточку» из «Жестокого романса»?) Мнилось действительно что-то царственное в их благородных удлиненных телах и в «сиянии», с уже советскими звездами в центре полукружий, закрывающих шлепающие по воде плицы.

Но и они ушли в затоны навсегда. А с ними отправились отдыхать еще десятки пароходов помельче, которые теперь используются, только когда их беспокоят кинорежиссеры для съемок в своих исторических фильмах.

И сразу же на волжские просторы буквально выпорхнули новые белоснежные чехословацкие, немецкие, австрийские двух-, трех- и четырехпалубные лайнеры. Дизельные красавцы, они почти бесшумно заскользили вдоль зеленых лугов, заросших соснами гор, ковыльных степей, по-прежнему так же поражая, но уже в новом духе и современным стилем, и комфортабельностью не только своих пассажиров, но и жителей сотен палаточных городков, выставшихлетом на песчаных волжских берегах.

И часто непонятно было, кто кому больше завидует: пузатые ли дяди в белых шляпах, сетчатых маечках и парусиновых штанах, подглядывающие, облокотившись на палубные перила, на веселые дымки прибрежных костров, или бородатые доценты и студенты, хлебающие из котелков только что сваренную щучью уху у своих палаток и слушающие, как «девчонки танцуют на палубе».

Олег Алексеевич Рябов родился в 1948 году в г. Горьком. Окончил Политехнический институт по специальности «радиоинженер». Первая публикация состоялась в 1968 году. Первая книга — повесть о войне «Письма отца» — вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Север» и др. Лауреат конкурсов «Ясная Поляна» и «Болдинская премия». Член Союза писателей России, российского ПЕН-центра, Национального союза библиофилов. Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

За Волгой тогда еще ухаживали — было генетическое понимание, что река — кормилица. И чистили фарватер ее речными дноуглубительными снарядами, то есть землечерпалками, если попросту, чтобы не заиливалось дно и чтобы питали родники жизнь речную. А ой как сохранялись прибрежные рощи, леса и боры — упаси бог вырубать их и трогать, от них зависела полноводность речек и безымянных ручьев, питающих Волгу. Так и осетры, и белуги многопудовые тогда, пока не было и в помине Волгоградской, Чебоксарской и Горьковской плотин, гуляли по всей Волге от Ярославля до Астрахани.

Совсем недавно так было.

Капитан-наставник Николай Алексеевич Сорокин только с виду казался жестким и суровым — голос у него был командный, а сам он был маленьким, добрым и совершенно лысым; потому и форменную фуражку свою капитанскую предпочитал не снимать и в дождь, и в солнцепек. Он отправлял в очередной круиз Горький—Астрахань один из лучших теплоходов пароходства «Дмитрий Донской».

Капитан теплохода Иван Тихонович Горохов был его ровесником, да и односельчанами они были — оба из села Кадницы. Село это знаменито на всю Волгу: стояло оно на высокой зеленой горе, и про него поговаривали, что «здесь в каждом доме вырос капитан». Горохов в противовес Сорокину был мужчиной рослым, стройным, с выправкой завидно-показательной.

Хотя и были капитаны оба уже давно городскими жителями, помнили они свои корни и гордились своим происхождением. Они вдвоем стояли на капитанском мостике и дружески беседовали, встречей же гостей у трапа занимался старпом Свиридов Герман Григорьевич. С виду старпом был строен, подтянут и улыбчив.

Сорокин не случайно приехал проводить теплоход в круиз, был у него личный интерес, даже не интерес, а задание для капитана Горохова: отправлялись этим рейсом до Астрахани два его двоюродных брата и племянник на рыбалку, на пару недель отдохнуть в заказнике, точнее, в заповеднике в волжскую дельту; и хотелось Сорокину, чтобы в пути о его родственниках кто-нибудь из экипажа позаботился особо.

— Иван, как я тебе уже говорил — это мои родные и близкие, очень близкие люди, а племянник Алик прямо как сын мне. Сделай для них все. Сейчас они подъедут, и я тебя с ними познакомлю. Чтобы не тратиться, они купили билеты в третий класс, но ты, надеюсь, что-нибудь для них поприличнее подберешь! Они братья: Алексей Александрович — профессор из университета, биолог, а Александр Александрович — крупный инженер, на каком-то «ящике» засекреченном работает, а на каком, нам с тобой лучше и не знать.

— Коля, твои двоюродные братья уже на теплоходе, их боцман определил в мою капитанскую каюту и сейчас размещает — хватит им там места, а я же не пользуюсь ей никогда. Есть у меня свой куток, к которому я привык, не буду тебе говорить какой, а то начнешь еще, чего доброго, в свои должностные права вступать и ревизии проводить на ходу. А твой племянник Алик — я с ним уже познакомился. Не он ли на швартовочном кнехте там, на нижней палубе, сидит?

— Ага, это он! Так спасибо тебе за оперативность, за поддержку. Пойду я тогда к братьям, попрощаюсь, а потом к тебе снова поднимусь.

— Не ходи никуда — как только они обустроятся, их боцман мой Боря сюда приведет. Вон смотри — какая фифочка из белой «Волги» вышла, сюда к нам на борт поднимается. Да и сопровождающий-то у нее так себе, ничего выглядит. Старый только, по-моему, для нее. Дочка, может?

— Да, тут есть на что посмотреть. А знаешь — это ведь Мальвина Леонидовна, она действительно молода для этого старого хрыча, ей немного за тридцать, и она вдова генерала Бургомистра. А с ней этот старый пенек — брат генерала, и тоже вдовец,

и тоже генерал, но в отставке, он в Астрахань домой едет. Рассказали мне про них, когда они круиз заказывали. У них каюта-люкс, должно быть?

— Да, второй люкс ихний. Теперь я знаю, о ком ты говоришь.

— Говорили, что она подумывала — не выйти ли ей замуж за второго брата, но присмотрелась и решила, что он действительно староват.

— И что же, что староват? Молодых, что ли, нет рядом для этого-то дела?

— Нет, не в том даже смысле, не в постельном, а в том, что как бы не пришлось потом всю оставшуюся жизнь за больным ухаживать. Знаешь, я недавно тут задумался, хотя, может, нам с тобой и далеко еще до этого, что красиво стареть надо тоже уметь — не у всех это, красиво в смысле, получается. Даже больше скажу: красиво — это когда старик со старухой вместе стареют.

— Да — хороша! Интересная дамочка! Я думаю, что мой старпом Герман Григорьевич не пропустит ее — он большой дамский угодник.

— А что вообще — он тебя устраивает, твой старпом? Я о нем разное слышал.

— Как тебе сказать! Он, этот Свиридов, сделан из стали и говна: на работе он точен, аккуратен, придирчив и требователен — и днем и ночью на посту. Ему по службе можно поручить все что хочешь и не волноваться за исполнение, а вот в житейских вопросах, в быту, он полон подлостей, предательства и эгоизма, и я не знаю, как к нему относиться, если честно.

Мальвина Леонидовна в тот момент поднималась по трапу, и старпом, как-то неловко, по-мальчишески встрепенувшись, подался вперед, чтобы прислужить интересной дамочке.

Она была хороша: росту небольшого, фигурка точеная, высокая прическа, прикрытая зеленой шляпкой с вуалеткой, открывала маленькие ушки-ракушки, а при ходьбе живой моторчик, который у женщин внутри, так вращал упругую попку, что заглядывались на это дело не только взрослые мужики.

В тон зеленой шляпке фисташковое крепдешиновое платье, легкомысленно ласкающее ее призывно возбуждающую фигурку, и миниатюрные босоножки цвета глубокой морской волны на каблукче...

Да, в общем — что тут говорить! А интересная заманчивая дамочка уже скрылась в недрах теплохода «Дмитрий Донской».

— Ты знаешь, Коля, — обратился капитан судна к капитану-наставнику, — вот который год наблюдаю: многие мои пассажиры-гости покупают билеты именно на «Дмитрия Донского». Ну что — нет других хороших теплоходов, что ли? Я ведь многих из наших пассажиров, которые пойдут сегодня с нами, уже знаю. Я бы на их месте, наоборот, каждый год на новом корабле ходил отдыхать для интереса или разнообразия, а они все равно — именно со мной и на последний летний рейс. Вон видишь — по набережной идут, к нам направляются три мужика с рюкзаками, четвертого что-то пока я не вижу. Они уже который год подряд со мной в конце августа этой компанией, вчетвером, ходят. Думаешь, что у них в рюкзаках? Тридцать бутылок водки! Три ящика водки на четверых! Они будут играть в преферанс все две недели и даже ни разу не выйдут в город — ни в Казани, ни в Куйбышеве, ни в Астрахани. Они две недели будут пить водку и играть в преферанс.

Первый раз я их заметил четыре года назад: за две недели только один из них в Казани сошел на берег: постоял, пошатался около трапа минут десять и снова на борт. Так две недели в каюте и сидели — в карты играли и водку свою пили. А в прошлом году их не смогли выгнать в Астрахани с судна, даже когда мы пошли в затон на бункеровку. И последнюю бутылку водки они выпили, когда на траверсе показался Горький, прямо напротив трамплина, стоя на палубе, на корме и выпили. Такой отдых!

Поднялись на мостик братья двоюродные Николая Алексеевича, было им лет по сорок с небольшим, и видно было, что они братья, а вот кто из них старше, а кто младше — не поймешь, хотя видно, что не близнецы. Капитан-наставник представил их капитану Горохову и племянника своего Алика тоже представил.

— Иван, надеюсь, что моя родня не доставит тебе много хлопот. А про Алика отдельно: покажи ему, что такое фарватер и как по створам ходить, и вообще — дай штурвал в руки, чтобы почувствовал корабль.

— Коля, по-моему, тебе уже пора! Что ты учишь меня? «Прощание славянки» сейчас заиграют, а ты еще на мостике.

— Учю — так на то я и капитан-наставник. И пока я на судне, никто швартовые не отдаст. Мне еще сегодня на Горьковское море ехать, на базу в Троцу — Ростислав Евгеньевич Алексеев там проводит первые испытания боевого экраноплана «Орленок», я там член комиссии. К «Ракетам» и «Метеорам» мы уже привыкли, а то, что он сейчас делает, это же просто чудеса: это — боевые корабли будущего. Ты ведь знаешь Алексеева?

— Да, конечно, — я с ним еще до войны пацаном под парусом ходил.

2

Алику было тринадцать лет, он перешел в седьмой класс, и, кроме рыбалки, у него было дополнительно такое количество увлечений или интересов, что лучше не тратить время на перечисление — его интересовало буквально все. С первых минут, оказавшись на борту «Дмитрия Донского», Алик задружился с боцманом дядей Борей, который сунул ему в руки половинку батона хлеба сразу после отвального гудка теплохода и на недоуменный взгляд мальчика сказал:

— Иди на корму и покорми чаек. Бросай маленькими кусочками в воздух — они хватать на лету будут. Иди покорми — чайки с нами до конца, до самой Астрахани полетят.

Из рупора разносился старинный русский марш, теплоход с небольшим креном развернулся на плёсе Стрелки и пошел вниз.

Не только два капитана и старпом обратили внимание на хорошенькую дамочку, оказавшуюся на борту «Дмитрия Донского», — мальчик Алик тоже успел бросить взгляд на нее, и легкий интерес занозой застрял в памяти подростка.

Теперь он стоял на корме верхней капитанской палубы и бросал в воздух небольшие кусочки мякоти батона, чайки в драку, с криками, кувыркаясь в воздухе, бросались за хлебом, хватали, взмывали в небо и снова, старательно ворочая крылья, догоняли судно и тянулись за ним.

— А дай мне кусочек, я тоже хочу попробовать, — произнес за спиной очень вкрадчиво и тихо высокий женский голос.

Алик повернулся и увидел ее, ту самую дамочку, которую заметил еще при посадке. Его как будто окатило жаром.

— Меня зовут Мальвина, а ты можешь звать Лина. А тебя?

— Я — Алик, — ответил Алик и покраснел почему-то, протянув батон дамочке. А еще — ему почему-то захотелось убежать.

— Тебе сколько лет?

— Тринадцать, — ответил Алик и еще глубже покраснел, хотя глубже уже было некуда.

— О-о, ты скоро уже станешь мужчиной, — улыбнулась дамочка, отщипнула какую-то крошку от батона и потрепала Алика по голове.

Алик был небольшого роста, но дамочка эта Мальвина была уж совсем миниатюрная, и потому издали они были похожи на ровесников. Он поднял голову и неожидан-

но увидел ее глаза почти напротив: в них застыл почему-то испуг, губы улыбались, а в глазах испуг. Светло-зеленые испуганные глаза.

Поклонников у интересной дамочки оказалось на борту больше чем достаточно, и она сразу стала одним из центров внимания и притяжения с утра до вечера: молодые люди играли ей на гитаре и на фортепиано, собравшись в кают-компании, учили играть в карты, наперебой приглашали ее на тур, участвуя в ежедневных вечерних танцах на палубе.

Как ни странно, но среди такого большого количества пассажиров были ровесники Алика, но не сдружился он почему-то ни с одним, не срослось что-то. Однако и без друзей было ему чем заняться.

Во-первых — машинное отделение с огромными металлическими валами, шатунами, штангами, грохотом, запахами горелого машинного масла, горячего металла и ощущением всего этого огромного подпалубного пространства, заполненного мощью работающих дизелей. Там все надо было изучить и запомнить.

Во-вторых — капитанская рубка, тоже много интересного и важного. Как и по какому принципу выставляются красные и белые бакены? Как не свалиться с фарватера, когда идешь по створам? Как учитывать парусность ветра и силу течения? Как разглядеть новые перекаты и отмели? В общем, вопросов много.

И если завтрак, обед и ужин по распорядку, как в пионерском лагере, и даже столы закреплены за всеми пассажирами постоянные, то на берегу — каждый себе хозяин. Хочешь — с экскурсией по городу, хочешь — в книжный магазин, а нравится, так в зоопарк иди. Каждый день — новый город: Казань, Ульяновск, Куйбышев, Саратов. На все экскурсии Алик с папкой и дядькой ходили втроем, а в Волгограде так еще как повезло: в местном магазине «Охотник» были куплены для Алика настоящие рыбацкие японские сапоги с высокими голенищами и ремнями для крепления к поясу, тонкие, на рифленной подошве, тридцать седьмого размера.

На борту каждый вечер музыка и танцы — тоже неплохо! А вот массовик, который в кают-компании по вечерам анекдоты и истории рассказывает, — чистый идиот. И те, кто его ходят слушать, — тоже идиоты, потому что ничего смешного в его историях нет, а он смеется — и все за ним смеются.

На танцы Алик не ходил, но все же один раз попался. Пролезал он с внешней стороны переборки палубной, да и вылез на ту самую импровизированную танцплощадку, на которую не ходил. А тут — Мальвина, Лина в смысле, подхватила его, обняла крепко и шепчет, касаясь губами уха:

— Выручай, потанцуй со мной, а то этот старпом просто запреследовал меня, проходу не дает.

Прижала она к себе Алика плотно и повела в центр танцующей палубы. Алик чуть не задохнулся.

— Лина, да отпусти ты немножко меня — я же задыхаюсь. И пахнет от тебя.

— А чем же пахнет? Женщиной, наверное, пахнет? От тебя мальчиком, а от меня женщиной. От твоей мамы разве не так же пахнет?

— Нет — от мамы пахнет «Красной Москвой», а от тебя по-другому.

— Ах, в этом смысле? Так мои духи называются «Шанель», они французские. А «Красная Москва» твоей мамы, они тоже когда-то были французские, и до революции назывались они «Сады императрицы» — их для нашей русской царицы французский парфюмер Броккар придумал. А теперь ты что-нибудь мне рассказывай — ты же мой кавалер, а то я снова тебя к себе прижму. Тебе нравится эта музыка?

— Нравится, я ее умею играть на пианино, хотя правильно надо ее играть на саксофоне или кларнете. Это «Маленький цветок», ее написал Беше, джазовый композитор.

Маленький Цветок — такая кличка была у известного чикагского бандита, для которого написана эта песня.

— Да? Вот уж интересно! Не знала такого! Вообще интересный ты мальчик, хочешь — я тебя усыновлю?

— Ты что, с ума сошла? У меня ведь и мама есть.

— Да, глупость сморозила.

— Ты сама должна себе нарожать.

— Нет, у меня детей никогда не будет.

— Что это?

— Болею я немножко.

— Так когда вылечишься — родишь.

— Ну, если так только. Да ведь у меня сердце слабое — клапана плохо закрываются, и я могу в любой момент... того... остановится оно...

Музыка кончилась.

— Пойдем, я тебя до каюты провожу, чтобы старпом к тебе не приставал!

Еще с полчаса они стояли у палубных перил на корме, любясь красным закатом.

Что должно было случиться — случилось, и из песни слова не выкинешь. На другой день случилось.

Тогда Алик срочно решил проинспектировать спасательные шлюпки на борту. Он выяснил, что в них должно находиться, — оставалось проверить. Быстро съев в ресторане холодный свекольник и смолотив рис с жареной сомятиной, которые были на обед, Алик сунул в карман кусок хлеба и помчался на палубу.

Шлюпка была задраена брезентом, и как ее открыть, было непонятно. Мало того — брезентовый чехол, затянутый талрепами, крепился к палубным специальным крючьям. Алик сумел пробраться под чехол, но разглядеть там в полумраке ничего мог, пока не нашел зазор, создаваемый двумя его крыльями. Он раздвинул их с трудом, так, что образовался небольшой вертикальный просвет — радостная и одновременно удивленная, на него смотрела Лина с капитанской палубы, чуть наклоняясь вперед и вниз.

Она ритмично покачивалась взад-вперед, а увидев, а может, даже угадав, что там из-за брезента выглядывает Алик, вдруг сильно и смешно выпучила глаза и медленно свела их в кучу, став косой, а потом высунула язык, как бы дразнясь, и достала им до носа. Это длилось где-то с минуту, и Алик ничего не понимал. Потом Лина начала постанывать, причем так же ритмично, в такт своим покачиваниям. Только тогда сквозь свою щелку разглядел он, что сзади Лины стоял старпом Свиридов — это он и рассказывал интересную дамочку Мальвину.

Вдруг Лина, глядя прямо на Алика, прикусила язык, закрыла глаза и помотала головой из стороны в сторону. Алик понял этот сигнал как просьбу молчать, хотя он и так замер от неожиданного вида занятой своим делом пары в пяти метрах от него. Но он все же отпустил створки брезента, образующие щель, и бросился в каюту.

Алик понял все. И если с бабочками, курами и собаками ему было понятно как и что и видел он не раз и такие, и другие соития, то тут...

Позднее, к вечеру, у Алика поднялась температура до тридцати восьми и по всему телу пошли красные шелушащиеся пятна. И папа Алика, и его дядя Леша заволновались и вдвоем отправились к капитану. Тот, несмотря на поздний час, стоял в рубке. Выслушав гостей и совсем не смутившись, он поковырял пальцем в ухе и сказал:

— Найдите боцмана Борю и скажите ему. Он пришлет к вам профессора Мурашко — не помню, в какой он каюте, и Мурашко все решит. Кроме того, что он профессор, он еще и хороший детский врач. А пока не волнуйтесь. Знаете, чем удобны такие круизы? Тем, что всегда на борту есть три-четыре хороших врача. Надо только с самого начала их определить и зафиксировать. На всякий случай!

Все оказалось проще простого.

— Это крапивница, — объявил детский врач Мурашко, — пусть завтра съест арбуз, из каюты никуда не выходит, послезавтра он будет здоров. Кто же тебя так напугал, мой юный друг?

Утром пришла Лина и принесла большую грушу.

— Прости меня, Алик. Это я так тебя напугала? Я исправлюсь, вот увидишь.

3

Мумра — поселок в дельте Волги, значительно ниже Астрахани, почти на море. Тут гостей уже ждали. Реки Волги как таковой в дельте нет: она распалась на старицы, рукава, ерики, а самая большая протока, по которой суда шли в море, называлась даже не Волгой, а Бахтемиром.

Директор заповедника когда-то защищал кандидатскую диссертацию у Алексея Александровича, дядьки Алика, потому с радостью встретил в Астрахани своего бывшего научного руководителя с друзьями и на своем директорском канадском катере с восьмидесятисильным подвесным мотором доставил их до поселка. Там он устроил их на постой и дал своим подчиненным указания: во всем ублажать рыбаков и помогать им.

Поселок был маленький, серый, пыльный, запущенный, и только вдоль берега под огромными раскидистыми ивами стояли несколько лодок да, к мосткам притороченные, болтались большие деревянные ящики рыбьих садков. Сомы на куканах возились под мостками отдельно каждый.

Первый день полностью ушел на инструкции и подготовку. Выяснили, что и где ловить, как спастись от комаров и чего опасаться на воде. Лодка с небольшим моторчиком была гостям выделена сразу же, и уже на второй день поехали со спиннингами ловить жерехов в промысловой яме, что была напротив песчаного островка в километре от поселка.

Течение было сильным, и на поверхности воды не было видно всплесков от гуляющей крупной рыбы, лишь в осоке и камышах, что высились вдоль протоки, было видно редкое оживление, но это окуни гуляли.

То, что произошло в следующий час, запомнил Алик навсегда, да и его отец, и дядька тоже: каждый третий заброс блесны был с уловом! Жереха были мерные: от двух до трех килограммов. Вскоре за спинами рыбаков на песке лежало пятьдесят дохлых рыбин — центнер рыбы, которую ни продать, ни заготовить, ни скормить кому-либо. В Мумре даже свиньи рыбу не едят!

Шашлыки из севрюги — она попостнее, пельмени из белуги, икра черная — осетровая — каждый день на столе!

Хотя дохлой рыбой в дельте Волги трудно кого-то удивить. Уже возвращаясь в поселок после рыбалки, увидели заезжие гости двух больших осетров со вспоротыми животами, сносимые вниз течением, — икру местные браконьеры из брюха выпотрошили в ведра, а туши рыбы выкинули.

Решено было составить программу на две недели, чтобы был четкий план мероприятий на весь отпуск, а назад — на том же «Дмитрии Донском», только следующим его рейсом.

Три дня потратили на поиск и ловлю сазанов. После повсеместного замора этой царской рыбы стал золотой сазан редкостью даже в Астраханском заповеднике. Нашли — поймали три штуки.

Сомы, ловля которого была включена в обязательную программу, Алик тоже поймал немаленького — на восемь килограммов.

Ездили на поля лотоса, чтобы полюбоваться древнейшим символом красоты и мудрости, понюхать его и немножко поднабраться ума. Из созревших коробочек отцветших лилий выковыривали орешки величиной с лесной фундук — они были съедобны и специфического вкуса. Алик научился и орехи чилима есть, который рос здесь просто в изобилии.

Умопомрачительной была экскурсия на рыболовецкую тону «Огневая-10», которую сотрудники научно-исследовательской лаборатории, расположенной на кордоне, регулярно навещали со своими научными целями, а тут для знакомства захватили и наших рыбаков. Повезло — перед самым приездом гостей была неводом поймана белуга на триста пятьдесят килограммов — она лежала на берегу. Голая, жирная, круглая, как бочка! Никаких шипов ни сверху, ни по бокам — прямо как большая-пребольшая свинья-свиноматка. Алик сел на нее верхом — его ноги не достали до земли, такой толстой она была. Хотя и потеря от этой экскурсии случилась: длинная и вся колючая севрюга килограммов на пять, которую Алик держал рукой за длинный шершавый нос, фотографируясь, махнула хвостом и распорола новый тонкий японский сапог своими бритвенными шипами, которые торчали у нее не только на спине, но и по бокам брюха. Обидно!

Возвращались назад на ставшем родным «Дмитрии Донском» — две недели пролетели, билеты были забронированы заранее, и Горохов Иван Тихонович, капитан теплохода, ждал их. Он снова предоставил рыбакам свою каюту.

— Сразу говорю — икру, осетрину и воблу без моего ведома не покупать, — строго выговаривал капитан гостям, — придет мой человек, и мы с вами сделаем заказ. У меня тут все проверено и схвачено. Арбузы и дыни возьмем в Ахтубе. Там у нас зеленая стоянка будет — надо же людям покупать и на песочке поваляться. Туда и привезут местные колхозники нам арбузы прямо с бахчей, и все самого лучшего качества.

Инженер и профессор только губы поджали.

— Дорогой Иван Тихонович, нас икрой и балыками так затарили в Мумре этой, в заповеднике, что мы не знаем, как до дому все подарки ихние дотащить.

— Понял. Больше этого вопроса не касаемся. Насчет арбузов — я все доходчиво объяснил? Даже больше скажу — дадите мне заявку: кому и сколько арбузов, они все на бахчах Ахтубы одного веса — от двенадцати до пятнадцати килограммов. Таскать ничего не придется — адрес мне запишите, и мой матрос все вам сам подвезет прямо домой.

— Это просто чудесно. По паре арбузов да паре дынь нам хватит. И хотелось бы еще по паре килограммов воблы астраханской.

— Все будет. Воблу сейчас привезут. Так что идите в каюту и отдыхайте.

Старшие улеглись в каюте, вытянув ноги, и сразу уснули. Алик же пошел проведать своего друга и наставника боцмана, дядю Борю. Тот был на месте и обнял своего старого знакомого. Договорились поговорить обо всем, что нового узнал и увидел необычного в Астраханском заповеднике Алик, встретившись после отхода в рейс.

Теплоход был полупустой: все туристы гуляли в городе, закупили местные деликатесные рыбопродукты, арбузы, дыни, помидоры — как-никак конец августа. Пробежит какой-нибудь с парой дынь-торпед под мышками по трапу, а через минуту уже назад, вниз, снова в город, за новой добычей. Внизу, в третьем классе, в горячем железном чреве теплохода, куда Алик тоже успел заскочить, все коридоры и все кормовое пространство уже завалены арбузами, и только хозяева сумеют тут разобраться, где чье. Правда, некоторые фрукты были подписаны: кто-то по зеленой корке чем-то острым, может гвоздем, буквы или цифры процарапывал.

Алик, облокотившись на перила, стоял на второй палубе, посматривая на пустынную раскаленную набережную, когда почти к самым довольно шатким сходням дебаркадера, а трапом это устройство нельзя было бы назвать, подкатила черная «Волга»

с армейскими номерами. Водитель в форме с лычками старшины выскочил и поспешил, открыв переднюю дверь, помочь выйти даме. Потом, достав из багажника два объемистых саквояжа, перетянутых ремнями, подошел к ней и остановился рядом в ожидании. Дама медлила, будто была в чем-то не очень уверена, будто ждала кого-то.

Алик узнал ее: это была та самая интересная дамочка Мальвина Леонидовна, или Лина. Он хотел броситься, чтобы поздороваться, чтобы помочь, но не успел — по сходням уже торопился, уже почти бежал к прибывшей гостье старпом Свиридов, весь такой элегантный и в то же время по-мальчишески услужливый. «Ну и черт с ними», — подумал Алик и плюнул сквозь зубы красиво, как он это умел, длинной струйкой слюны за борт.

Что-то кардинально поменялось в Мальвине Леонидовне, появилось в ней что-то непростительное — это было заметно Алику даже на расстоянии. Хотя одета она была снова изящно, модно и безупречно: черная шляпка с белой каемкой, черная с крупным белым горохом гипюровая блузка с укороченными рукавами и черная плиссированная юбка также с белой широкой нижней подшивкой. Несмотря на жаркую погоду, на даме были черные колготки с черными лакированными туфельками на низком каблучке с белым ремешком. Набрасывает всегда, даже на хорошеньких женщин, некую печаль или траур такой наряд.

В первый день ни в ресторане, ни на палубе интересную дамочку Алик не разглядел. А интерес-то, любопытство изнутри молча свербили. Боцман дядя Боря поделился с Аликом: в Астрахани Мальвина Леонидовна десять дней пролежала в больнице с тяжелейшим сердечным приступом, а может, с гипертоническим кризом. Подробности никто не знает, ушла она из больницы самостоятельно, на свой страх и риск, без разрешения врачей, чтобы побыстрее уехать домой.

На второй день дама выходила только на завтрак: выпила чашку кофе и потрепала Алика по плечу, печально улыбнувшись

— Ну, мы с тобой еще поболтаем, — тихо произнесла она.

— Хорошо, поболтаем, — так же тихо ответил Алик.

Несмотря на то, что каюты Алика и интересной дамочки располагались совсем рядом, почти напротив, его уже не так волновало существование Мальвины Леонидовны: повезло, на борту случился мальчик Кирилл, ровесник Алика, и надо было теперь ему подробно показать и все устройство теплохода, и объяснить принципы прохождения судна по реке. А потом, в этот раз проходили волгоградские шлюзы на подъем — это тоже интересно.

Хотя Алик по три раза на дню интересовался у дяди Бори, который постоянно шастал к интересной дамочке, ее состоянием и спрашивал разрешения посетить Лину, боцман дядя Боря сурово отнекивался:

— Алик, Мальвину Леонидовну пока что в каюте навещать нельзя. Выйдет она на палубу — поболтаете. Женщины не любят, когда их видят больными. Женщина для желанного мужчины должна быть всегда здоровой и красивой или, по крайней мере, выглядеть таковой. А вот если больная женщина приглашает мужчину себя, больную, навестить, она либо кокетничает, либо хитрит, преследуя свои цели. Я ей уже говорил про тебя. Успокойся — она тебя позовет не сегодня, так завтра.

— А как же ты?

— А я для нее — не мужчина. Я слуга и помощник!

— А старпом тоже к ней заходил — я видел.

— Старпом — тоже слуга.

Потом два дня Алик не видел Лину в ресторане.

И тогда он решил — гуляя по палубе, Алик подошел к окошку каюты, полузакрытому деревянными жалюзи, прислушался и, поняв, что больная дамочка не спит, после

приветственных пары слов решительно и даже настойчиво пригласил ее покормить чаек. Удивительно, но она согласилась:

— Буду через двадцать минут. Иди попроси у боцмана Бори кусочек хлеба.

Стояли на кормовой палубе. Вечерние чайки, уставшие за день, сидели на поручнях фальшборта, дремали и неохотно уже срывались за брошенным кусочком батона. Красное солнце сулило на завтра ветреную погоду. Алик притащил из вестибюля большое и удобное соломенное плетеное кресло для своей дамы. Она уселась и, как-то ужавшись, сказала:

— Садись рядом, пока еще нам с тобой вдвоем хватит места в этом уютном кресле.

Алик уселся, и Лина обняла его за плечи. Кожа у нее на руках была тонкая-претонкая и прозрачная, даже все голубенькие жилки пульсирующие были видны. А ладонь Алика, которую Лина накрыла своей, была и больше и загорелой.

— Зря я согласилась на этот тур до Астрахани и назад. Только хуже все получилось. Лечиться надо было! А для кого лечиться, скажи мне? Если нет никого на свете, кому я нужна, даже здоровая. У меня же никого-никого нет!

— Почему? Неправильно это: если ты здоровая будешь — детишек нарожаешь или открытие какое-нибудь сделаешь, а вот больная... Тут твоя правда.

— Так, значит, ты думаешь, что сначала надо вылечиться, а потом придумать — кому я нужна?

— Конечно!

Прошли уже Казань.

Ночью Алик проснулся от тишины. Дизеля были застопорены. Слышались только редкий плеск воды о борт, легкое противное постукивание чего-то металлического о корпус и неразборчиво два мужских голоса. Алик прислушался, но ничего не понял, хотя что-то тревожное ему почудилось в этих тихих голосах и в самой тишине. Он открыл дверь и в трусах босиком на цыпочках вышел в коридор. В полумраке коридор вытянулся кишкой, и чуть моргали лампочки полусонного дежурного света. На дебаркадере освещение было поярче, и Алик разглядел вывеску — Космодемьянск.

— Капитан приказал освободить одну холодильную камеру для нее, в такую жару оставлять ее в каюте нельзя, — услышал он откуда-то из трюма голос боцмана.

— Слово какое противное — «труп», — это уже старпом.

— Так другое слово придумайте, Герман Григорьевич.

— Я бы вообще, безо всяких слов, оставил ее тут, в Космодемьянске, и все дела.

— Так капитан тоже так хотел, а местные сказали: везите к себе домой. Мол, медицинское заключение есть, милицейское есть, и все дела. Надо же — чуть-чуть не дотянула до дома.

— Ты, дядя Боря, не откладывая в долгий ящик, прямо сейчас собери все ее шмотки в те два больших баула и спусти тоже в трюм. Если что — отнекиваться будем, говорить будем всем, что в Космодемьянске сошла.

Утром снова светило солнце, играла весь день музыка. Никто вроде бы даже и не заметил потери одного пассажира.

А еще через сутки пришли домой. Снова играла музыка. Целовались, прощаясь с новыми знакомыми, целовались с родными, встречающими, заполнившими причальную площадку. Матросы с раздутыми мышцами в разноцветных майках и одинаковых пепельно-застиранных штанах таскали на берег мешками и авоськами арбузы и дыни — их тоже встречали. Алик с отцом и дядькой спустились по трапу на берег.

И только в трюме, в холодильной камере лежала и никого не интересовала интересная дамочка.

ПРОСТО ОБЫСК

1

Маленьким, трусоватым и жадным, жадным до женского пола, был Леонид Ильич Прага. Но про женский пол — в другой раз. Работал он когда-то на заводе «Орбита» художником-оформителем — дизайнеров тогда, когда он поступал на работу, в отделах кадров еще не придумали. А жил он один в маленькой двухкомнатной квартирке, доставшейся ему от мамы с папой, прямо в центре города, но в пешеходном проулочке, в старом двухэтажном деревянном доме. Папа его в начале восьмидесятых свалил в Америку и пропал там где-то, оставив сыну звонкое имя, напоминающее о прекрасном советском прошлом его Родины, и странную фамилию, а мама сразу как-то после того умерла. С именем все понятно — понятно, что совпадение, хотя вон его родной дядя с подозрительным именем Адольф — ясно, что в тридцать девятом родился, как только договор о дружбе с Германией заключили. А вот с фамилией — с фамилией ничего не понятно. Но не в фамилии дело. Была у Праги еще сестра — замужняя и вся замотанная семейными заботами, но она к рассказу тоже отношения почти не имеет

Прага был весь в веснушках, рыжий, а брови и ресницы вообще белые. К моменту, когда судьба обратила на него внимание, ему исполнилось тридцать, а завод «Орбиту» или уже кому-то продали, или только собирались кому-то продать, но за сколько и кому — неизвестно. Зарплату не платили уже год, и Прага болтался по центральным улицам города как неприкаянный, вертя в руках небольшую, чуть больше сложенной ладошки, ярко-красную с черным горохом коробочку-полусферу. Это была гордость Лени Праги: трехпрограммный радиоприемник, выполненный по его эскизам, в форме божьей коровки, который даже был запущен в серию и имел хорошие отзывы. На кухне, на стене смотрелась эта «божья коровка» очень даже симпатично.

Слукавил я немного — оставил папа Лене своему еще кое-что. Был его папа в свое время довольно известным в городе подпольным мастером-ювелиром: не то чтобы местный Фаберже, но цепочку спаять мог и печатку из царского червонца сделать тоже мог. Так вот — передаются такие навыки в некоторых семьях по наследству, и потому Леня Прага, когда ему надо было, садился за свой домашний рабочий верстак и, запалив кислородно-ацетиленовую горелку, не торопясь пополнял свой индивидуальный семейный бюджет.

Кроме навыков, передаются по наследству еще и некоторые полезные связи, а еще и некоторые общественные обязательства, и Леня Прага старался жить по правилам и эти правила не забывал. Потому, наверное, и не было у него проблем с билетами на премьеру в театр и с батоном московской колбасы в голодные перестроечные годы.

А вот некоторых вещей Леня боялся и даже не понимал. Потому когда однажды подошел к нему прямо на улице известный в городе активист Марик Лапин и, уверенно взяв за плечо, остановил, Леня вздрогнул:

— Леня, — склонив голову набок, чтобы быть более убедительным, начал Марик, — хочу я открыть в городе синагогу. Потому прошу тебя подписать вот это письмо. Ты же уважаемый в городе человек, и твоя подпись мне просто необходима.

Леня Прага знал, что Марик дурак и сумел окончить всего четыре класса начальной школы и три музыкальной, но он не знал, что Марик дурак до такой степени.

— Марик, во-первых, я не еврей...

— Ага, — перебил его Марик, — сын Ильи Ароновича Праги, и не еврей? Кто же ты — татарин, что ли?

— Марик, национальность у вас, у евреев, считается по матери, а потому я даже не татарин, а простой гой, то есть русский.

— Так это и хорошо — ты-то мне и нужен, а евреев-то я на любой, самой засранной улице этого города корзинкой начерпаю. А ты знаешь, как при царе мы умудрились открыть синагогу в городе?

— Нет, не знаю и знать не хочу.

— А зря! Синагоги тогда не было. Написали мы прошение на имя царя с просьбой разрешить поставить памятник императору-освободителю Александру Второму напротив синагоги, и пришло разрешение из столицы на имя губернатора — разрешить! А синагоги-то не было! Губернатор велел евреям построить сначала синагогу, а напротив поставить памятник. Синагогу мы построили, а на памятник денег не хватило. Так вот и сейчас мы просим разрешить зарегистрировать общественную организацию «Синагога», а не денег просим на строительство синагоги.

— Послушай, Марик, — вдруг встрепенулся Прага, — а сколько у нас в городе евреев?

— Двенадцать тысяч.

— А в восьмидесятом году сколько было?

— Тоже двенадцать было.

— И за эти десять лет сколько уехало?

— Официально — двенадцать тысяч.

— Что-то я ничего не понимаю: и было двенадцать тысяч, и уехало двенадцать тысяч, и осталось двенадцать тысяч. Так, что ли?

— Да, именно так!

— Так же не может быть!

— Не знаю — я университетов не кончал. Знаю только, что двенадцать тысяч.

Послал тогда Ленечка Марика Лапина далеко-далеко и ушел.

В общем, отмотался и отговорился в тот раз Леня Прага — получилось.

А вот в другой раз — не получилось. Это когда подошел к нему так же на улице его бывший директор завода «Орбита» Григорий Андреевич Икоркин и предложил Ленечке поучаствовать в предвыборной кампании на должность губернатора области в качестве дизайнера, а точнее — художника-оформителя. Надо же кому-то листовки писать да плакаты рисовать.

Леня Прага сразу понял, что попался — у директора не то что высшее образование было, но и ученая степень доктора технических наук тоже была, и за глаза на заводе все его когда-то звали просто Удав, кличка такая была.

Так Леня Прага оказался в команде будущего губернатора области Ивана Ивановича. А когда Иван Иванович победил и стал губернатором, первым всенародно избранным губернатором, Григорий Андреевич Икоркин как командир предвыборного штаба приступил к распределению будущих должностей в качестве премий за работу: кому завод, кому отрасль, кому кабинет. Вспомнил он и про Ленечку и предложил ему должность министра культуры области — по всем параметрам Прага подходил: и возраст, и общественное положение, и национальный вопрос сразу решится.

Ленечка немного подумал и сказал:

— Согласен, только через год, а пока пусть этим делом займется мой друг Миша Нехорошев. Он справится! Он был заведующим Клубом железнодорожников и сейчас без работы болтается. А я посмотрю и подучусь.

— Понял, — сказал бывший директор Икоркин, — пусть пока будет Нехорошев. А ты кем пока побудешь?

— Да никем! Как был, так и буду Леней Прагой.

— Нет, так не бывает! А что люди скажут? Что мы не сумели отблагодарить хорошего человека за хорошую работу? Знаешь что, забери-ка ты пока себе «Часовую тех-

нику», пока ее никто не догадался приватизировать. Там почти двадцать точек по городу да столько же в области. Наверное, последняя сеть осталась. Хотя есть еще почта и библиотеки — тоже сетевые структуры, но их пока вряд ли разрешат прибрать. Приватизировать там тебе надо все, в этой «Часовой технике». Тебе на год работы хватит, да и народ там все ваш! Помощника-заместителя себе найди дельного.

2

Помощники сами нашлись и сами быстренько приватизировались, а Ленечку они даже не обидели, а по справедливости оформили на него одну мастерскую в собственность: в центре города, пятьсот квадратных метров, два этажа, кабинетик и пять мастеров. А друг детства Миша Нехорошев, которого Икоркин временно пристроил на место министра, так приспособился, так присосался и так озаботился новой своей должностью, что с Ленечкой только через губу теперь здороваться стал, а иногда даже стал делать вид, что вообще не узнает.

Хотя кроме этой странности возникли еще кое-какие: появилось у Праги значительное количество непонятных и незнакомых новых знакомых, которых он не знал никогда или не мог теперь вспомнить, как бы ни напрягался. Но не умел Леня Прага так, как Миша Нехорошев, говорить через губу, а стоящих перед ним людей вообще не видеть. Здоровался он со всеми, улыбался всем и чай-кофе со всеми пил запросто у себя в кабинете на втором этаже, а то и коньячку мог рюмочку предложить.

Приходили бандиты в кожаных куртках, ондатровых шапках, спортивных штанах, каждый месяц приходили, регулярно. Леня сначала думал, что они кофе к нему приходили пить, а потом: что почем, и сто долларов он стал им отдавать каждый месяц, потом двести, а в конце и триста уже. Они себя бригадой называли, а старшим, бригадиром то есть, был у них Махно, Славка Махнев, друг детства Праги, в одном переулке выросли. Пришел как-то и авторитетный городской бандит по кличке Хромой — бросил два червонца царских золотых и велел соорудить, так и сказал, нормальную правильную печатку, чтобы по понятиям была. Леня Прага обещал все сделать и сделал, хотя долго выяснял, как делается печатка «по понятиям и правильная» — знал, что еще не раз пригодится.

В администрации тоже его не забыли, и заказ на изготовление тысячи серебряных настольных медалей к какому-то юбилею городскому заказали Ленечке Праге. А это уже кое-что: медаль было решено делать чуть покрупнее серебряного рубля царского, в котором весу двадцать граммов, а значит, коллегиально решили — пусть будет «тройская унция», в которой тридцать один грамм с мелочью. А значит, вместе с эскизной работой и изготовлением всего тиража заплачено было Ленечке за все про все сто тысяч долларов — тогда все и всё в долларах считали. Серебро техническое на его родном заводе «Орбита» можно было у мужиков чуть ли не даром взять; они его с контактов разъемов и с печатных плат, которыми завален был склад и которые теперь на свалку шли, хитрым образом снимали и утилизировали в небольшие слитки — целыми сменами трудились. Ну а превратить техническое серебро в нормальное ювелирное, то есть добавить нужные лигатуры в нужном количестве — это Леня Прага умел, папа научил. А в пробирной палате тоже свой человек сидит, Алик Сотский — так что договориться, чтобы на все медали пробы с чекухами наляпать, не проблема.

Простота и общительность Праги очень быстро превратили его мастерскую чуть ли не в проходной двор, где с утра до вечера толпились люди, тут назначались нужные встречи, а в его кабинете постоянно пился кофе, реже чай, а еще реже что-то веселящее. В городе на какое-то время даже привился каламбур: «Встретимся у Пра-

ги на пороге». И действительно: здесь можно было оставить какой-то сверток или ящик со словами «Приедут ребята из Казани и заберут», или совершенно незнакомый человек мог позвонить Ленечке и попросить: «К тебе зайдет Гриша — дай ему полторы штуки гринов, а я завтра заеду и тебе отдам!»

Так начиналось лето.

На дворе стояли девяностые.

В злополучный день, о котором Леня Прага будет потом вспоминать с мрачной тоской всю оставшуюся жизнь, вот также с утра в мастерскую заглянул Саша Сорокин, известный среди специалистов, гастролер из Москвы, промышлявший скупкой краденых икон и другого антиквариата. Мог он купить и чистый, неворованный товар, но сбыть такой предмет не проблема, а вот когда горячий, «с ногами», как говорят среди своих, — тут нужен Саша Сорокин. Саша Сорокин заглянул, бросил небрежно в угол кое-как оклеенную скотчем со всех сторон, тяжелую и внушительную коробку из-под бананов и громко, так, чтобы его расслышали все, гаркнул: «Придет Покровский — отдадите!» К Ленечке на второй этаж Сорока даже не заглянул — только мастера его и видели. А из мастеров тогда в наличии были братья Вова и Саша.

Простота нравов, царившая в мастерской Лени Праги, допускала, что ознакомиться с содержимым коробки можно было, не дожидаясь Покровского, и Ленечку, пока он вниз спустится, тоже ждать не стали — скотч был аккуратно взрезан, упаковка разорвана, и содержимое ее поначалу несколько разочаровало братьев. Хотя в дальнейшем разочаровало это содержимое уже сильнее, и не только братьев. В коробе были книги.

— Хорошо, что не бомба, а то уж больно тяжелая коробка эта была, — задумчиво протирая глаза, произнес Вова Брикман. Он знал, о чем говорил: только два дня назад утонул прямо у причала взорванный самодельной бомбой маленький пароходик «фильяничик», или еще такие называют «озерный москвич». То, что там не граната была, а настоящая самодельная бомба, — очевидно: пароходик лег на дно уже через пятнадцать минут после взрыва, только капитанская рубка с коротенькой мачтой из воды осталась торчать. Знал он про тот случай все точно, потому что предназначался пароходик Ленечке Праге.

Стоял пароходик у грузового причала на Стрелке, и сходни с него выходили прямо к зданию областного ГАИ. И вдруг — бабах, и он идет ко дну. Этот «фильяничик» канавинские бандиты только-только подарили Лене Праге в качестве отступного — за то, что он уступил им свою долю с Центрального рынка, хотя Леня до того времени и не знал, что у него была там какая-то доля. Бывает разве так? Бывает, если о тебе заботится Удав, в смысле бывший директор завода Икоркин! Куда, в какие еще артели и общества записал он на всякий случай Леню Прагу соучредителем, ни сам Икоркин не помнит, ни Прага не знает и, скорее всего, уже никогда и не узнает.

Тогда Хромой, который приходил вместе с Махно, забрал у Праги все документы на пароходик и обещал выяснить все по поводу оформления речного регистра и бронирования радиочастоты для радиосвязи на речных судах, а главное — за сколько это корыто можно было бы продать сразу, без перерегистрации и прочих заморочек. Но не дождался Ленечка — взорвали его пароходик. А тогда, в те годы, каждый день что-то взрывалось, тонуло и шло ко дну. Хотя Леня не расстроился — он уже понял, что чем меньше у тебя собственности, тем меньше и проблем. Да и не успел он еще в полной мере оценить свой новый речной транспорт.

— Вообще, это хорошо, что тут он книги нам оставил, а не бомбу. Да и ворованное золото в таком количестве, я имею в виду по весу, тоже плохо, замучаешься прятать, — поддержал Вову Саша Гавриков, родной брат Вовы и по отцу, и по матери.

Почему у них фамилии разные — не знали братья, да и их родители уже не помнили, зачем они это сделали. Но их всех и не больно-то волновало уже теперь. Вова Брикман был от Бога талантливым механиком и часовщиком. А Саша, его младший брат, тоже неплохой часовой мастер, держал сейчас в руках массивный большой том и, открыв крышку переплета, разглядывал титульный лист:

— «Смотр побед социалистического сельского хозяйства», — прочитал он вслух, — смотри, какое издание! Ничего себе делали книжечки, умели, когда хотели, и денег не жалели! И надпись, смотри: «Отметить. И. Сталин». Это что же — самого Сталина подпись?

— Да, наверное. Видишь — тупым синим карандашом. Я слышал от кого-то, что он все книги, которые читал, тупыми цветными карандашами исчеркивал. Ведь Сталин был очень грамотный и начитанный человек, он всех своих советских писателей лично знал. Он с ними и переписывался, и по телефону советовался. Только что-то говорит мне, что уж очень стремная эта коробочка, которую нам Саша Сорокин сегодня закинул, — это уже Вова Брикман отвечал брату.

Он тоже вынул из коробки первую попавшуюся книжку и, открыв титульный лист, сразу же разглядел надпись тем же синим карандашом «Читать. И. Сталин» и только после уже разглядел и название «Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому». Он стал листать — на полях многих страниц были неразборчивые и специфические пометки все тем же синим карандашом. Вова хотел что-то еще прокомментировать своему брату, но тут спустился со своего второго этажа Леня Прага.

— Леня... — начал было Саша Гавриков, но Вова перебил его.

— Тут Саша Сорокин из Москвы притащил коробку с книгами для Покровского. Мы поняли, что ты знаешь — для какого Покровского, это, наверное, для Коли Черно-книжника. Так вот — я боюсь, что книжечки эти того, паленые. Как бы не сгореть нам с ними. Ты бы выкинул их на тротуар или вообще куда подальше. Они все с пометками Сталина.

— Да не может быть, — откликнулся Леня, — это же редкость большая и ценная, наши говорили, что автографы великих людей сейчас высоко котируются, а автографы Сталина — вообще без цены!

— Да, редкость, — уж очень волнуясь, заговорил Вова, — если бы не были они все оприходованы из Центрального партийного архива, того, что в Москве и который сейчас, по-моему, закрывается и все фонды оттуда уже передаются то ли в Исторический музей, то ли в ЦГАЛИ — по телевизору рассказывали. Тут все книги с печатями этого Центрального архива. А все рукописи, письма, автографы Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Ленина, Сталина, Троцкого наша дорогая и любимая советская власть в течение десятков лет разыскивала и скупала, где могла, по всему миру, по всему земному шару за любые, самые-самые бешеные деньги. А где не получалось купить — воровали, а где не получалось украсть — и на другие разные ухищрения шли. В общем, за этими книжками стоит не только история, но и полный атас, я уверен в этом, а ты, Леонид Ильич, смотри — не связывайся с ними, совет мой тебе.

3

Связаться с книгами Ленечка не успел. И выкинуть коробку на дорогу или под кусты, которые в изобилии росли вдоль тротуара, тоже не успел: в мастерскую вошел Махно за своей ежемесячной долей, а за ним еще двое крупных крепких и солидных мужчин. Эти двое были как родные братья: и росту по сто восемьдесят, и весу по девяносто, и лет, похоже, одинаково — ну, по тридцать пять, только у одного нос был сломан, и, может, даже не раз, и это было довольно заметно.

Ленечка регулярно и честно отдавал свои ежемесячные триста долларов Махно, в такие дни, часами распивая с ним кофе и болтая. Махно сумел легко убедить Прагу в том, что деньги, с которых не уплачены государственные налоги, — они почти что как ворованные, по крайней мере, «не отмытые», а потому с них, как и со всего ворованного, надо отдавать вместо налогов долю в воровской общак. По той же причине и в советские времена теневики платили жуликам, потому что они и рады были бы платить налоги с подпольного левого производства, только с них за такую деятельность не налоги будут брать, а шкуру драть.

Однако в этот раз Махно не успел открыть рта. А вот вошедшие с ним двое крепких и крупных мужчин, которым, как я говорил, было лет по тридцать пять, оказались совсем не с ним, а даже наоборот.

— Мы из Москвы, Федеральная служба охраны, майор Тараканов, — зевая и прикрывая рот красной книжечкой, произнес один из вошедших вместе с Махно, — раньше наша контора называлась КГБ — чтобы вам было всем более понятно.

— А я майор Гирия из МУРа. Сейчас здесь будет проводиться обыск, прошу всех оставаться на своих местах, — сказал второй, тот, что со сломанным носом, также вынув удостоверение и предъявляя его всем присутствующим.

— Ну, уж я-то не собираюсь с вами тут оставаться, — как-то истерично взвизгнул Махно.

— Да-да, вы можете идти, — заявил один из майоров или оба разом, махнув на Махно рукой, — понятых тут хватит. А теперь меня интересует, кто тут хозяин мастерской и кто из вас Леонид Ильич Прага?

У Ленечки брови поднялись, а рот открылся.

— Я хозяин мастерской, и я — Прага.

— Отлично, — заявил майор Тараканов, — пройдемте к вам в кабинет, я ознакомлю вас с бумагами, или вот майор Гирия этим займется, а я пока осмотрюсь здесь. Кстати, эту коробочку не Саша Сорокин вам привез?

— Да-а! — рот у Ленечки по-прежнему не закрывался и морщины со лба не сходили.

— Отлично. Вот мы за ними и приехали. А где еще четыре?

— Чего четыре?

— Чего четыре, чего четыре! — передразнил Прагу уже майор Гирия. — Ты дурачком-то не прикидывайся! Где еще четыре коробки с книгами — их было пять.

— Он только одну оставил, — ответил Леня.

— Хреново это, если одну, — поджав губы и покачивая головой, отметил Гирия, — искать придется. А ты будешь в камере сидеть, пока мы их все не найдем, — понял, Прага? Что за чудная у тебя фамилия, почти как у меня! Ты не украинец?

— Татарин я!

— Ишь ты, как ты шутить-то умеешь! Мастерскую закрыть, никого не выпускать, не впускать, кроме оперативника по фамилии Ковров, который сейчас из вашей городской прокуратуры еще одно постановление на обыск привезет. Вы, — Гирия двумя пальцами ткнул в братьев, — пока что понятыми будете. Ну а если вы тоже в эту уголовщину влипли, то тогда что-то придумывать будем насчет понятых.

Поднявшись на второй этаж и усадив товарища из МУРа майора Гирию за свой официальный стол в своем кабинетике, Леня почти успокоился, хотя поначалу, как любой нормальный бывший советский человек с такой фамилией и с такой профессией, конечно, немножко напугался; да и не немножко, конечно, а всеерьез.

И вот товарищ Гирия, задав несколько соответствующих вопросов Лене и заполнив предварительно все бланки, попытался Лене Прагу успокоить:

— Леонид Ильич, неофициально, пока нас здесь двое, разьясню ситуацию — вроде вы человек разумный. Позавчера часть экспонатов, а точнее, книг, предназначенных

для отправки из хранилища Центрального партийного архива в Государственный исторический музей, были похищены. Это пять коробок. Если эти пять коробок уже принадлежат Историческому музею, то расследованием продолжим заниматься я и мои товарищи из МУРа, но если сегодня выяснится, что книги, которые находились в украденных коробках, висят пока что на балансе Центрального партийного архива, то продолжение истории будет зависеть и от нас с вами, и от работников известной всем нам службы, представитель которой дожидается внизу. А потому мы, как и вы, заинтересованы справиться с поставленной задачей, в смысле раскрыть кражу, и как можно быстрее, а точнее — сегодня! Нами было вчера выяснено, что наводчиком по этой краже, а потом в какой-то мере и исполнителем выступал известный вам Саша Сорокин, а предназначались книги, которые находятся в этих пяти коробках, Коле Покровскому, или, как вы его еще называете, Черно книжнику. Но раз сегодня Саша Сорокин скинул книги у вас, то надо думать, что он не только наводчик. Так же, как и вы! Все понятно?

— Понятно, — почти прошептал Прага и почувствовал, как у него холодеет спина, руки и потом уже и ноги. Он тоже сел. Но тут и майор Тараканов к ним в кабинет снизу поднялся и довольно безапелляционно к Праге обратился:

— Леонид Ильич, вы только так не переживайте — сделайте лучше нам по чашечке кофейку.

Только успел Ленечка разболтать в кружках для московских неожиданных гостей растворимого индийского кофе, только успели гости отхлебнуть, а уже примчался и третий сотрудник, лейтенант Ковров, местный, маленький и злой.

— У нас тут прокуроры по утрам по домам спят, а не работу работают. Бардак какой-то. Домой пришлось ездить! Так он еще и возмущаться начал, гнида. Я ему как-нибудь, если случай будет, устрою проверочку на вшивость.

— Так, Ковров, ты постановления от местной прокуратуры на обыск привез? Давай их нам сюда и не возмущайся, — майор Гирия одернул молодого лейтенанта, — задействуй этих двух часовщиков ювелирных как понятых и обшарь здесь все на предмет еще четырех коробок с книгами. Они должны быть такими же, как и та, что стоит у входа. Хотя эти уроды могли и вытряхнуть из них все, и тогда... В общем, ищи! Уж очень подозрительно мне это заведение, в которое мы с вами тут сегодня заглянули. Правда, думается мне, что здесь уже больше мы ничего не найдем. Прага, а у тебя сейфовая комната есть?

— Есть, — ответил Ленечка.

— Так давай веди нас туда, в свои закрома.

Сейфовой комнатой Ленечка Прага называл стальной шкаф из нержавеющей стали, перевернутый шурупам к стене прямо в его кабинете, в углу. В те годы все сейфовые комнаты в стране открывались с помощью утюгов, паяльников и пээмов, и тратить на них особые средства охраны не имело смысла так же, как и хранить в них какие-то богатства. Потому и в этом стальном шкафу, кроме мелкого расходного ювелирного инструмента, двух десятков часов, принятых для ремонта, и некоторого количества наличных денег в разорванной банковской упаковке федерального казначейства США, не было ничего, а значит, и ничего интересного для работавших сотрудников.

К этому моменту оба майора, и лейтенант, и оба часовых дел мастера быстренько обшарив первый этаж, уже поднялись в кабинет к Праге, где стальной ящик был открыт для обозрения.

Тараканов непонятно зачем достал из сейфа и повертел в руках старинные золотые дореволюционные часы-луковицу с толстой золотой бортовой цепью.

— Майор, — обратился Тараканов к Гире, — ты не помнишь, у вас по какому-то делу проходит хищение двух золотых мужских карманных часов? Надо бы проверить.

— Напоминаю, — это уже Гирия Тараканову, — если тебе нужен геморрой, возьми эти часы, только внеси их в акт изъятия и протокол обыска. И напоминаю еще раз: денежные средства изъятию не подлежат, и не трогай бабки ради бога, даже пальцем не трогай — от греха подальше. А ты, Ковров, давай заполняй протоколы, и поедем-ка мы к господину Праге домой, на квартиру, пошукаем там. Вы ведь, Леонид Ильич, где-то недалеко здесь живете?

— Рядом, рядом, — совсем уже потухшим голосом почти прошептал Прага.

Понятые-братья, часовых дел мастера Саша и Вова подписали протоколы изъятия, коробка с ворованными книгами была засунута в багажник служебной черной «Волги», и уже на выходе из мастерской лейтенант Ковров озабоченно спросил у майора Гири:

— Товарищ майор, а наручники задержанному накинуть?

Майор Гирия на мгновение задумался.

— Нет, не надо пока. А вот сажай его по правилам: на заднее сиденье в центр, а вы с майором Таракановым по бокам.

4

Жил Леня Прага в трех кварталах от мастерской, на той же улице в двухэтажном деревянном доме постройки девятнадцатого века. Сквозь калитку в воротах прошли во дворик, буквально забитый цветущей акацией, и поднялись по крутой деревянной лестнице на галерею под крышей, на которую выходили двери четырех квартир, в том числе и квартиры Лени Праги.

Но в квартире Лени Праги группу ждала неожиданность в лице сестры Ленечки Циля Ильиничны. Циля Ильинична была ровно на десять лет старше брата, была матерью четверых детей, и она очень холодно, если не сказать строже, относилась к безбрачному состоянию Ленечки и к этому ставшему модным течением чайлдфри. Правда, она довольно снисходительно относилась к его многочисленным и почти ежедневным амурам с различными дамами: видимо, рассчитывала, что когда-нибудь одной из них удастся прибрать Прагу к рукам. С самого детства и вот до такого уже крепко зрелого возраста она обслуживала Ленечку, подтирала, убирала за ним, и в их отношениях это было нормой. С высоты своего старшинства Циля могла выговорить брату все, что она о нем думает плохого, и даже треснуть по затылку. Она почти каждую неделю приходила в эту квартиру, чтобы навести здесь соответствующий порядок: помыть полы, протереть пыль и забрать в стирку грязное белье.

— Ты зачем сюда эту свою кодлу привел? — очень агрессивно и ни с кем не здороваясь, заявила Циля Ильинична Праге, не глядя на остальных мужчин. — Я только что все намыла.

— Цилечка, у меня здесь будут делать обыск. Это милиция и КГБ. А вы, господа майоры, познакомьтесь — это моя сестра Циля Ильинична. Если надо, она нам тоже поможет.

— Такие крупные и красивые мужчины, и будут заниматься глупым обыском? Ну, этот ладно, — махнула она в сторону лейтенанта.

— А у нас с вами есть ордер на обыск в квартире? — неожиданно осмелев, спросил Прага у майора Тараканова, когда они уже зашли в дом. — А то у меня потом будут спрашивать, а я что?

— Есть, есть, — успокоил майор Ленечку, — у нас еще есть два ордера: и на обыск в сарае, и в гараже. У тебя, Леонид Ильич, есть гараж?

— Нет!

— А в сарае чего ты прячешь?

— Тоже нет.

— Плохо это! Будем искать.

— Чего искать? Сарай с гаражом?

— Не тупи, Леонид Ильич, тебе это не идет. По крайней мере, сегодня. Сегодня тебе надо еще умудриться домой ночевать попасть, а не остаться у нас в управлении. А то еще и в Москву, может, придется тебе проехать-прокатиться с нами вместе. Искать мы с тобой будем книги. А вы, Циля Ильинична, найдите нам, пожалуйста, понятых, можно соседей, только чтобы не с очень длинными языками. А впрочем, нам все равно.

— Не-ет, — откликнулась Циля Ильинична, — это вы сейчас арестовывать и убивать моего родного брата будете, а я вам помогать? Это фашизм какой-то. Не-ет! Это пусть вам мальчик ваш за понятыми бегаёт.

И женщина кивнула в сторону лейтенанта Коврова.

— Лейтенант, — обратился Гиря к молодому оперативнику.

— Не надо, не надо, — вдруг засуетился Прага, — давайте я просто позвоню своим соседям, что за стенкой, по телефону и позову их? Это рядом!

— Звони, — откликнулся майор.

Через десять минут в квартире Лени Праги уже стояли его соседи — пенсионеры дядя Боря и тетя Аня, которые знали Прагу с пеленок, а потому и он их тоже. Три сотрудника соответствующих органов недолго мучились, озабоченные розыском. Было видно, что коробок нет. А мелочи искать в их задачи не входило. Хотя для очистки совести они спросили и про оружие, и про взрывчатку, и про наркотики, чем только напугали понятых-пенсионеров. Так же для очистки совести обшарили они и все ящики в столе, все жестяные коробки с макаронами и крупой на кухне, заглянули в сливной бачок над унитазом и под чугунную ванну, где стояли банки с засохшей краской.

— А нет ли у тебя в квартире, Прага, какой-нибудь кладовки, или антресолей, или схронки еще какой-нибудь? — спросил у Ленечки майор Гиря.

— Да нет ничего такого, — ответил Прага, — в шкафчик посудный, что на кухне, заглядывали?

— А книжек старинных у вас тут нет дома никаких? — это уже решил немножко похитрить лейтенант.

— Есть царских две книжки, — попался Леня и достал из папки с квитанциями на квартплату, лежащей прямо на столе, две потрепанных тоненьких брошюрки, — это каталоги старинных часов «Павла Буре» и «Тобиаш», они еще царские, мне от папы достались.

— Ну, извини, мы их пока что у тебя заберем. Дай-ка, дай-ка их сюда, — проявил наконец свою активность и майор Тараканов.

— Как заберете?

— Ну как-как, какашками! Заберем для выяснения на предмет отношения к вышеобъявленному хищению. А вообще, Прага, все очень хреново складывается пока что для тебя. Что-то не больно хочется мне сейчас здесь писать протокол допроса да все бумаги оформлять, давайте-ка поедем в управление — там как-то все это спокойнее и привычнее. Лейтенант, давай быстренько оформляй протокол обыска да акт изъятия этих двух книжек, пусть понятые все подпишут, и отпускай их. А ты, Прага, подумай пока над одной вещью, которую я тебе сейчас сообщу. Никто еще не отменял постановление Совнаркома от тридцать седьмого года о применении мер физического воздействия к подозреваемому с целью выяснения истины. Тебе никто ничего не рассказывал про тридцать седьмой год? Что я тебе сказал, понял?

— Что понял?

— То, что я сказал, — понял? Я тебе сейчас сказал, что пытки у нас в стране еще пока никто не отменял. Вот и думай, чем мы с тобой сейчас в управлении заниматься бу-

дем. И еще — я тебя не отпущу и не отдам никому, пока не будет пойман Покровский и задержан. Так что будешь ты сидеть в подвале здесь у себя в родном и любимом городе, или заберем мы тебя к себе в Москву, но и там ты тоже будешь сидеть в подвале. Потому что пока что ты для нас единственная связь Покровского.

— А я-то при чем тут?— совсем потухшим голосом пролепетал Ленечка.

Ленечке Праге второй раз за день стало страшно.

А вот Циля Ильинична присутствия духа не теряла.

— Леня, как только они тебя из своей тюрьмы выпустят, тут же позвони мне — я тебе котлет рыбных нажарю, фарш у меня уже готовый. Слышишь, позвони мне, я волноваться буду.

5

В управлении все получилось совсем по-домашнему.

Кабинет, предоставленный московским гостям местным руководством, был маленький, тесный и неуютный: три стола, вплотную придвинутых друг к другу, завалены были такими кипами бумаг, что сидящие при разговоре не видели друг друга и вынуждены были вставать, если хотели пообщаться. Стульев, правда, наставили в комнате даже с излишком.

Время было уже обеденное, и оба майора отправились в столовую, вручив судьбу Лени Праги лейтенанту Коврову. Еще они оставили Праге пачку писчей бумаги, шариковую ручку, и Гиря сказал: «Пиши!»

Вернулись они сытые и довольные. Усевшись за столы, майор Гиря стал что-то съедобное выковыривать у себя из зубов спичкой, а майор Тараканов — пить маленькими глоточками минеральную воду прямо из бутылки, которую принес с собой.

— Ты ничего не написал, — обратился майор Гиря к Ленечке, — значит, ты хочешь сначала поговорить без протокола, так?

— Да нет.

— Что значит «нет»? Давай-ка двигай стул и садись поближе. А я магнитофончик включу. А знаешь, майор, какую глупость мы сделали? — обратился Гиря уже к своему напарнику, майору Тараканову. — Мы не забрали у Праги из дома его записную книжку, ведь видел я ее, валялась она на столе. А там все его преступные профессиональные связи. Как бы она нам сейчас пригодилась.

— Да, сглушили! Быстро как-то специальность начали мы все терять в этой стране.

— Так вот, Прага, давай сначала: кого из преступных авторитетов городских знаешь? И кто тебя крышует? И еще — выкладывай мне все связи этого Коли Покровского, который Чернокнижник, с номерами телефонов и адресами. Это пока без протокола!

— А что вы все это на магнитофон записываете, так это ничего?

— Пожалуйста, магнитофон я выключу, — хмыкнул майор и нажал кнопку.

— А у вас в столе, наверное, еще один включенный нас пишет?

— Да, пожалуйста, я и второй выключу, — майор действительно открыл ящик стола и нажал кнопку на миниатюрном диктофоне. — Так еще раз: кого из воровских авторитетов знаешь и с кем поддерживаешь связи?

— Ни с кем из авторитетов, как вы их называете, я никаких связей не поддерживаю, а крыша у меня, как вы это называете, наш бригадир Махно, с нашей улицы.

— Кто такой? Знаешь? — это Гиря уже обратился к лейтенанту Коврову, который только вернулся из столовой и так же уже ковырял спичкой в зубах, стоя в дверях.

— Знаю, этот Махно — так, местная шишка из мелкой шпаны, а бригада у него, если можно это назвать бригадой, спортсмены без стволы, — Ковров все это отбарабанил скороговоркой, а сам, подойдя к Тараканову, что-то стал шептать ему на ухо.

— Прага, не верю я тебе, — продолжил майор Гиря, — я, прежде чем из Москвы к тебе ехать, позвонил сюда к вам и все узнал про тебя, и мне отрекомендовали тебя как уважаемого человека! А уважаемых людей сейчас патронируют тоже уважаемые люди. Так кто у тебя патрон? Кто тебя пристроил в эту мастерскую?

— А-ах, вы это? Так это — Иван Иванович!

— Кто такой Иван Иванович, Ковров? Что за погоняло, что за новый жулик такой у вас тут появился, о котором мы даже не слышали?

— Я такого бандита не знаю, товарищ майор, у нас в городе есть один только уважаемый человек Иван Иванович, это губернатор, — отвечал лейтенант Ковров.

— Да, чего-то я заболтался. Хорошо, что диктофон выключил! Так ты, Прага, губернатора своего имел в виду? Ты с ним знаком?

— Конечно, знаком — помогал я ему.

— Так чего ж ты молчал?

— А что я должен был делать?

— Ну, обычно все кричать начинают: «Ты знаешь, кто мой брат?» или «Я сейчас твоему полковнику позвоню!»

— Майор, хватит трепаться, — это уже Тараканов перебил Гирю, — вон лейтенант доложил, что Покровский задержан, книги все у него изъяты и он опрашивается в соседней комнате. Давай закругляйся с этим Прагой, а то его эта старая еврейка ждет с рыбными котлетами. Подпиши ему пропуск, и пусть катится отсюда.

— Счастливый ты, Леонид Ильич, а то я уже планировал тебя в Москву к нам забрать: у нас там есть подвалы сырые и с крысами, не то что у вас тут: простота какая-то! Ковров, забирай его и выведи на проходную.

Леня Прага повернулся к майору Тараканову и уставился на него.

— Чего тебе, Леонид Ильич, — спросил Тараканов, — или ты совсем охренел от счастья? Иди, пока мы не передумали.

— А часики?

— Какие часики?

— А те, что вы изъяли, золотые часики с бортовой цепочкой! У меня в кармане тут вот есть расписочка ваша и протокол изъятия.

— Забыл! Надо же! А он не забыл! Какой же ты мелочный человечек, Прага. Держи свои часы, давай протокол, мы его прямо сейчас уничтожим.

Тараканов вынул из кармана джинсов золотую луковицу и протянул Ленечке Праге.

— А цепочка где?

— Какая еще цепочка?

— Золотая бортовая цепочка пятьдесят шестой пробы весом тридцать четыре грамма.

— Знаешь, Прага, ты тень на плетень не наводи. В протоколе написано часы — вот тебе часы, а про цепочку там ничего не говорится. Так что давай быстро ноги в руки и домой. А если ты очень долго будешь думать, то тогда уже я тебя точно заберу к себе в Москву, и там будем дальше разбираться. Нам некогда, и потому очень быстро решай: домой или в подвал и потом со мной в Москву?

— Домой, домой, конечно — домой! — запричитал Ленечка Прага и даже вдруг засомневался: а не стоит ли поблагодарить московскую бригаду за отличную оперативную работу?